

А.Н. Пыпин

**Очерк литературной истории
старинных повестей и сказок
русских.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А.Н. Пыпин**
Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. / А.Н.
Пыпин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 366 с.

ISBN 978-5-458-01226-3

ISBN 978-5-458-01226-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Исторія древней Русской письменности распадается на два главные періода. Грань, ихъ раздѣляющая, есть эпоха Татарскаго нашествія, имѣвшая одинаково стѣснительное вліяніе и на общественный бытъ и на образованіе. Литературная дѣятельность, живая и свѣжая въ первомъ періодѣ, во второмъ замѣтно ослабѣла, не развивши тѣхъ началъ, которыя проявились въ древнихъ памятникахъ.

2. Удаленіе древней письменности отъ народно-поэтическихъ созданій должно быть приписано главнымъ образомъ Византійскому вліянію: не столько сильное сначала, чтобы заглушить порывы народнаго творчества, это вліяніе уничтожило въ послѣдствіи всякую возможность народнаго эпоса въ литературѣ.

3. Возрожденіе литературной жизни, какое хотятъ видѣть у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ, было еще слишкомъ слабо и долго не могло принести желанныхъ плодовъ: доказательство въ томъ, что даже реформа Петра Великаго не скоро выразилась въ литературѣ, которая продолжала быть чѣмъ то случайнымъ и нетвердымъ до второй половины XVIII-го столѣтія.

4. Древняя литература наша была бѣдна внутреннимъ развитіемъ и существенный интересъ ея изученія есть объясненіе исторіи народнаго быта и образованія.

5. Древнѣйшія изъ нашихъ переводныхъ повѣстей были живыми литературными явленіями своего времени, потому что передѣлывались подъ вліяніемъ Русскихъ понятій, и принимали въ себя особенности, принадлежавшія только Русской жизни.

6. Повѣствовательный отдѣлъ старинной письменности представляет нѣсколько важныхъ фактовъ для исторіи нашего народнаго эпоса, потому что характеръ послѣдняго отражался иногда и на чужихъ произведеніяхъ, которыхъ по чему либо касались его области.

7. Въ народномъ сказочномъ эпосѣ такъ же можно замѣтить нѣкоторыя частныя подробности, появленіе которыхъ объясняется или вообще произведеніями письменности, или именно старинными переводными повѣстями.

8. Многія сказанія могли перейти въ нашу письменность отъ другихъ народовъ путемъ устнаго предавья; но вообще международныя сношенія оставили мало слѣдовъ въ памятникахъ литературы, такъ что кругъ иноземныхъ вліяній на нашу письменность былъ очень узокъ.

9. Старинная Русская повѣсть не одинъ разъ дополняетъ любопытными данными исторію средне-вѣковой повѣствовательной литературы, потому что указываетъ на существованіе нѣкоторыхъ памятниковъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ ученымъ вслѣдователямъ романтическаго эпоса.

10. Обозначенные теперь памятники Русской повѣсти не истощаютъ всего запаса ея. Исслѣдованіе рукописей до сихъ поръ должно оставаться одною изъ главныхъ задачъ при изученіи не только древней литературы, но и вообще старины Русской.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
— Введеніе.	1
I. Вліяніе Визавтійское и южно-Славянское. — Русскія редакціи средне-вѣковыхъ сказаній объ Александрѣ Македонскомъ: псевдо-Каллисеевъ. — Повѣсти о Троянской войнѣ: старинная «притча о краалехъ» и позднѣйшій переводъ книги Гвидона де Колумны. .	22
II. «Синагрипъ царь Адоровъ и Наливскія страны» или «Слово о Акирѣ премудромъ», сказка изъ Тысячи и Одной ночи. — «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ челоувѣкъ». — Сказаніе о Индѣйскомъ царствѣ и пресвитерѣ Іоаннѣ. — Слово о полку Игоревѣ.	63
III. «Слово о купцѣ Басаргѣ», Русская старинная повѣсть. — Сказаніе о Вавилонскомъ царствѣ. — Сказки о Соломонѣ: Нѣмецкая средне-вѣковая поэма о Морольфѣ, сказаніе о Китоврасѣ, суды царя Соломона, Сербскія сказки. — Слово о двѣнадцати снахъ Мамери царя.	95
IV. Исторія Варлаама и Іосафата. — Притчи нравственно-религіознаго содержанія. — Старинные сборники загадокъ. — Стихъ о Голубиной книгѣ. — Повѣсти, основанныя на загадкахъ.	124
V. Басни Бядная или Стефанитъ и Ихвилатъ. — Езопъ въ переводахъ XVII вѣка. — «Зрѣлище житія челоувѣческаго». — Переводы Гюлистана и Бостана, Саади, и басень Докмана.	148
VI. Повѣсти изъ «Римскихъ Дѣяній». — Отдѣльные рассказы того же сборника въ другихъ редакціяхъ: повѣсть о царѣ Агеѣ, притча о насельникѣ и др. — «Зерцало великое», историческіе и легендарные рассказы. — Дидактическія сказанія: о чародѣйствѣ, о високоумномъ хмѣлѣ, о бѣсовской травѣ — табакѣ.	180
VII. Историческіе рассказы. — Повѣсти Русскія и иноземныя. — Сказаніе о Дракулѣ Мутьянскомъ, о взятіи Царяграда, повѣсть о царицѣ Иверской Динарѣ. — Сказаніе объ Атылѣ, королѣ Угорскомъ; о Ва-	

	стр.
смиц, королевичъ златовласомъ Чешскія земли. — Повѣсть уми- лительная о Брунцигѣ, старинный рыцарскій романъ Чешской литературы.....	209
VIII. Переводные рыцарскіе романы. — Книга о Мелюзинѣ. — Исторія Петра Златые-Ключи. — Цезарь Октавіанъ. — Повѣсть «изъ дре- внихъ лѣтописцевъ». — Повѣсть о княгинѣ Алдореской. — Апол- лонъ, король Тирскій. — Исторія о Бовѣ королевичѣ или Вионо d'Antona	228
IX. Польское литературное вліяніе въ XVII-мъ столѣтіи. — Семь мудре- цовъ. — Апофеогмата. — «Смѣхотворныя повѣсти», или средне- вѣковыя фанеціи. — Русское сказаніе о злыхъ женахъ. — Нѣкото- рыя изъ новеллъ Боккаччо въ старинномъ Русскомъ переводѣ..	249
X. Опыты Русской повѣсти. — Сказаніе о Савѣ Грудцынѣ. — Рукопись старуцы Маріи. — Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ. — Популярное чтеніе первой половины XVIII-го столѣтія: переводные романы и «шарты» или шуточные сборники	278
— Народныя произведенья, записанныя въ старыхъ рукописяхъ и сбор- никахъ	293
— Приложенія: отрывки изъ Александрій, Троянскихъ сказаній, Девге- ніева Дѣянія, Варлаама и Иосафа, Стефаната и Ихнилата, Римскихъ Дѣяній, сказанія о Мутьянскомъ воеводѣ Дракулѣ, изъ книги о Мелюзинѣ, изъ повѣсти о Семи Мудрецахъ.....	303
— Дополненія	357

Въ литературѣ неразвитой, не сознающей своихъ нуждъ или не достигшей истиннаго употребленія силъ, иногда можно встрѣтить столько же любопытныя черты для народной характеристики, какъ и въ литературѣ, ставшей въ число основныхъ двигателей общественной жизни. Эти блужданія народнаго ума, который иногда рѣзко высказываетъ свои выводы, но не останавливается на одной идеѣ, эти неопредѣленныя стремленія фантазіи, находящей красоту въ преувеличеніи и гротескѣ, эти внезапныя порывы и лѣнивая неподвижность, выражая въ себѣ дѣйствіе историческихъ обстоятельствъ, имѣвшихъ вліяніе на жизнь народную, освѣщаютъ темный путь ея развитія. И здѣсь, въ дѣятельности безсознательной, можно слѣдить за нѣкоторыми особенными направленіями, можно видѣть зародыши новаго движенія, которое обнаруживается несмѣлыми попытками и раздраженіемъ; особенная привязанность къ тѣмъ или другимъ произведеніямъ и здѣсь отмѣчаетъ наклонности читателей и указываетъ на состояніе понятій и образованія: чѣмъ ближе была къ массѣ эта произведенія, чѣмъ охотнѣе она обращалась къ нимъ, тѣмъ легче становится открывать ея невыраженные иначе вкусы и потребности. Такъ несовершенно обнаруживаются симптомы жизни въ литературѣ начинающей свое существо-

ваніе, в таковы были явленія старой Русской письменности, которымъ часто нельзя отказать въ высокомъ достоинствѣ и интересѣ, но которыя еще много завистли отъ случайностей и не представляли строгаго и постоянного развитія. Изученіе старинной повѣсти нашей, въ томъ видѣ, какъ она извѣстна теперь по остаткамъ и обрывкамъ, приводитъ къ подобному заключенію.

Повѣсть и романъ стали въ наше время основною литературною формою; ихъ классическіе предшественники дѣлаю далеко не имѣли того обширнаго значенія, какое приобрѣла эта форма впоследствии, въ литературахъ новой Европы. Самостоятельнымъ источникомъ новаго эпоса были произведенія, возникшія на богатой національной почвѣ, — древнія саги и легенды, фавлы, новеллы, рыцарскія исторіи, въ которыхъ средневѣковой читатель встрѣчалъ и свои народныя преданья, и чужіе мифы классическіе, и созданія восточнаго вымысла, давно сдѣлавшіяся достояніемъ западно-Европейской поэзіи. Новая дѣятельность развивалась подъ живительнымъ вліяніемъ эпоса народнаго: ея разнообразныя произведенія поражаютъ и простотою своего поэтическаго достоинства и вѣрнымъ отраженіемъ національнаго характера; даже тѣ изъ нихъ, какія происходили изъ чуждаго источника, носили тотъ же общій отпечатокъ, въ новой для нихъ области принимая новыя черты. Въ этомъ литературномъ движеніи не доставало иногда самостоятельнаго основанія, при всемъ томъ факты его представляютъ живую и богатую данность лѣтописи. Эта средневѣковая повѣсть, нѣрѣдко общая одинаково для западныхъ и для восточныхъ литературъ, развивалась на обширномъ поприщѣ и въ своемъ распространеніи не одинъ разъ коснулась и русской письменности.

У насъ были извѣстны и любимы очень многія изъ тѣхъ произведеній, которыя были знамениты въ средневѣковой литературѣ и принадлежали къ самымъ характеристическимъ явленіямъ ея. Старинная повѣсть наша представляетъ и другія любимыя стороны. Прежде всего она имѣетъ право на вниманія историка литературы, какъ популярное чтеніе стараго времени, очень любимое и распространенное; въ своемъ отношеніи къ читателю, она не имѣла тѣхъ интересовъ, какія соединялись

съ произведеніями историческими и чисто-назидательными, — при сильномъ господствѣ дидактическихъ требованій она занимала своимъ болѣе или менѣе поэтическимъ содержаніемъ, и, слѣдовательно, отвѣчала только чисто-литературнымъ потребностямъ читателей. Съ другой стороны повѣсть наша представляетъ не мало данныхъ по отношенію къ народной жизни и понятіямъ, которыя она въ себѣ отражала. Вообще, при разборѣ старинной повѣсти необходимо являются такіе вопросы. Въ какомъ объемѣ существовала въ нашей письменности стараго времени эта повѣствовательная литература, такъ богато разцвѣтавшая въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ? На сколько было въ ней начала самостоятельнаго, или, если наравнѣ съ другими сторонами нашей письменности она подчинялась чужому влиянію и пользовалась чужими богатствами, гдѣ были ея источники? Существовала ли связь между произведеніями книжными и устными народнымъ эпосомъ? Наконецъ, какіе факты открываются въ нашей повѣсти для характеристики народнаго быта и понятій?

Какъ главную, отрицательную, черту надобно замѣтить особенную бѣдность произведеній самобытно Русскихъ въ этомъ большомъ собраніи разнообразныхъ сказаній, повѣстей, сказокъ и романовъ. Народный эпосъ не сдѣлался у насъ источникомъ для письменныхъ произведеній, какъ было у Чеховъ, имѣвшихъ Судъ Любуши и Краледворскую рукопись. Напротивъ, наша народная словесность, какъ Болгарская и Сербская, издавна заключалась въ самой себѣ и начала отдѣльное существованіе. Слово о полку Игоревѣ становится явленіемъ исключительнымъ, какъ произведение, нераздѣльно связанное съ народнымъ эпосомъ и по духу и по внѣшней отдѣлкѣ. Извѣстныя условія стариннаго образованія выдвинули на первый планъ историческую и духовную отрасль литературы, и это направленіе почти съ одинаковой силой удерживалось во всемъ старомъ періодѣ. Строгая исключительность этого направленія не допустила свободного выраженія началъ народно-поэтическихъ: эти послѣднія слишкомъ сильно проникались всѣмъ богатствомъ народныхъ вѣрованій и вмѣстѣ съ ними вызвали противъ себя горячую и непрерывную полемику. Какъ древніе наши писатели

вооружались противъ «пѣсень и игришь бѣсовскихъ», такъ XVII столѣтіе считало предосудительнымъ и потому запрещало «сказки сказывать небылыя и загадки загадывать».

Восполненіемъ недостатка въ повѣсти, Русской по содержанию и происхожденію, служила обширная популярная литература иноземныхъ сказаній. Любовь къ занимательному чтенію и охота къ фантастическимъ и романическимъ рассказамъ, находили пищу въ многочисленныхъ переводахъ, которыми словесность наша наводнена была съ древнѣйшаго времени. Отъ X до XVIII столѣтія, сначала Старо-Славянская, потомъ Русская письменность наполнялась переводами или даже и самостоятельными редакціями сказаній, расхившихся въ тоже время и въ западно-Европейской литературѣ. Чтобы вѣрно понять, какая роль предназначена была этимъ переводамъ въ нашемъ популярномъ чтеніи древней эпохи, не должно забывать, что въ старину смотрѣли на переводъ во все не съ той точки зрѣнія, какъ смотрятъ теперь. И переводъ и передѣлка въ наше время не могутъ усвоить литературѣ чужаго произведенія и ничего не прибавляютъ къ собственнымъ ея результатамъ, потому что внутренній смыслъ переводнаго сочиненія остается по прежнему несроденъ литературѣ. Въ старину, напротивъ, быть можетъ отъ неслишкомъ большой разборчивости читателей, чужое и переводное принимали какъ свое, оригинальное. О книгѣ судили по ближайшимъ чертамъ содержанія, и считая переводъ за Русское сочиненіе, также легко и чисто-Русское произведеніе приписывали чужимъ писателямъ: такъ многія Русскія поучительныя слова отнесены въ рукописяхъ къ І. Златоусту. При этомъ взглядѣ переводъ терялъ и свою иноземную внѣшность: оставляя безъ измѣненія общія мысли, переводчикъ или лучше сказать передѣльватель замѣнялъ частныя, національныя черты подлинника другими, взятыми изъ Русскаго быта, потому что хотѣлъ быть понятнѣе для читателей, или же самъ понималъ такимъ образомъ свое дѣло. Отъ того книга, передѣланная на Русскіе нравы, теряла свою исключительную физиономію и находила больше сочувствія у читателей. Тоже явленіе, но иногда въ разнѣрахъ гораздо большихъ, повторялось въ западныхъ литературахъ этого времени и вообще очень естественно въ ли-

тературѣ начинающейся, которая не имѣетъ понятія о литературной собственности и слѣдуетъ нехитрому правилу «брать свое добро тамъ, гдѣ находишь его». Простодушіе, съ какимъ тогда поддѣльывали и травестировали чужое произведение, даетъ много цѣны этимъ новымъ вставкамъ и перемѣнамъ, потому что онѣ прямо взяты изъ той среды, къ которой авторъ ихъ принадлежалъ. Однако, здѣсь нѣ было обыкновенно никакого преднамѣреннаго желанія поддѣльывать; оно было бы выше понятій того времени,—дѣло совершалось само собой. Писанныя литературы всегда и вездѣ подвержены были вліянію интерполяціи: каждый усердный читатель дѣлалъ на поляхъ своей рукописи различныя замѣтки, прибавлялъ глоссы и синонимы, которые другой вносилъ въ самый текстъ, такъ что мало-по-малу начиналась сильная порча текста, отъ которой не далеко до пердѣлки. Одинъ могъ прибавить толкованіе неизвѣстнаго слова или названія; другой оставлялъ текстъ и удерживалъ комментарий, третій распространялъ его и т. д., и въ крайнемъ предѣлѣ интерполяціи переводное произведеніе получало уже новый колоритъ, приближавшій его къ національности переводчика, и до нѣкоторой степени могло замѣнить недостатокъ сочиненій оригинальныхъ.

Къ такому разряду переводовъ принадлежали первыя повѣсти, занесенныя къ намъ изъ Византійской литературы и отличающія первый періодъ нашей письменности. Эта эпоха была у насъ временемъ тѣснаго общенія съ дѣятельностью южно-Славянской. Русскіе пріобрѣтали по большей части готовые сказанія, которыя появлялись сперва въ южно-Славянской письменности и потомъ легко переходили въ Русскую, при единствѣ литературнаго языка и одинаковости интересовъ образованія. Новые памятники болѣе и болѣе укрѣплялись на Русской почвѣ, такъ что въ послѣдствіи уже только на ней продолжали свое существованіе: многіе изъ памятниковъ южно-Славянскихъ, извѣстные теперь по нашимъ древнимъ редакціямъ, до сихъ поръ еще не были встрѣчены въ рукописяхъ Сербскихъ и Болгарскихъ. Греческая литература легко могла удовлетворять потребностямъ Старо-Славянской письменности, потому что въ повѣствовательномъ отдѣлѣ ея сохранилось многое изъ классиче-

скаго наслѣдья и, кромѣ того, находилось значительное собранье восточныхъ и западныхъ сказаній, повѣстей и легендъ. Она стояла тогда на границѣ между литературами западной Европы и востока: Византія, съ одной стороны, сообщала Арабамъ произведенія блестящаго времени Греческой литературы — творенія Аристотеля, Эвклида, Гипократа, Птолемея, Платона, съ другой сама знакомилась съ поэтическими сказаніями востока, даже съ эпосомъ Индѣйскимъ, доходившимъ до нея путемъ Сирійскихъ, Арабскихъ и Персидскихъ переводовъ; но связямъ съ народами Германскими и Романскими, для нея доступны были и сказанья западно-Европейскія. Южно-Славянское посредничество принесло къ намъ многія повѣсти изъ этого источника: в сказанія классической древности, передѣланныя подъ вліяніемъ позднѣйшихъ понятій и одѣтыя въ средневѣковую одежду, какъ баснословная *Исторія Александра Македонскаго*, приписываемая псевдо-Каллисѣну, повѣсть о *Троянской войнѣ*; и сказочныя произведенія востока, или извѣстныя и западной Европѣ въ новѣйшихъ обработкахъ, какъ знаменитая *Калила-и-Димна*, или *Стефанитъ и Ижмлатъ*, — или же знакомыя только въ литературѣ Византійской, какъ любопытная сказка изъ Тысячи и одной Ночи о *Синагрипѣ* и мудромъ его министрѣ; и произведенія, навѣяныя христіанскою жизнью, отчасти сохранившія легендарный характеръ, отчасти смѣшанныя съ другими формами повѣсти, какъ *исторія Варлаама и Иосафата*; и средневѣковыя преданья о чудныхъ стравахъ, одинаково любимыя и въ Византіи и въ западной Европѣ, какъ преданье о *царѣ-пресвитерѣ Іоаннѣ*. По старинной повѣсти о *Дьяннѣ Девоніевѣ* можно заключать, что у насъ не были чужды и Византійскія героическія сказанья, до сихъ поръ очень мало разработанныя: противоположность Византійскаго міра съ Азіатскимъ, какъ борьба западныхъ народовъ съ завоевателями Палестины, несомнѣнно должна была выразиться подобными сказаньями, несмотря на то, что по своему схоластическому направленію Греческая литература Византійской эпохи всего менѣе способна была къ чему либо, похожему на героическій эпосъ. Наконецъ уже давно между произведеніями, лившимися въ южно-Славянскую письменность изъ Византіи, показываются тѣ народно-апокрифиче-